

Подобные определения (в известном смысле совершенно правомерные), — касаются ли они «эстетики» стиха или языка, — вполне в стиле филологических работ XVIII века. Вспомним хотя бы у Ломоносова такие общепризнанные определения свойств языка и стиля, как «бодрость» и «героический звон» (русского языка), «крепость» (немецкого языка), «великолепная *Виргилиева важность, Овидиево приятное витийство...*».⁷⁰

Как показывают приведенные цитаты, Тредиаковский начиная с 30-х по 60-е годы пользовался в своих работах в основном одними и теми же определениями совершенного каданса. Следовательно, то, что Тредиаковским сказано в трактате 1735 года о ритмике («падении») народного стиха — это не случайные впечатления, а терминированное — для языка филологии XVIII века, осознанное определение тех свойств поэтического ритма, которые он считал наиболее совершенными и к которым постоянно возвращался, излагая «правила» стихосложения.

В качестве стихотворных литературных произведений, обладающих свойствами совершенного каданса, филолог назвал в предисловии к «Тилемахиде» поэмы Гомера и Виргилия и свой стихотворный перевод «Похождений Телемака» Фенелона: присущие поэмам «Омира» и Марона «*гладкость, приятность, с самую сладостию...*» (курсив мой, — Г. Б.) представлены его «Тилемахидой».⁷¹

Таким образом, даже в отзыве о достоинствах стихотворной речи античных поэм и своей любимой «Тилемахиды» он не был столь эмоционален, как в оценке народной поэзии, где качества совершенной ритмики выражены, по его мнению, в наивысшей степени. При этом «падение» в народном стихе, с точки зрения Тредиаковского, порой не только «слатчайшее» и «приятнейшее», чем в античной поэзии, но и «правильнейшее», — следовательно, иногда в большей степени отвечает идеальной норме, «правилу», чем в античных стихах.

Если согласиться с тем, что такая оценка русского народного стихосложения была у Тредиаковского искренней и не случайной, то нельзя не признать и другое: она могла исходить лишь от того, кто проникся мыслью о его художественной полноценности.

Итак, версификация народной поэзии получила признание с позиций «высокой» литературной теории.

Может быть, с этим связан такой, кажется, исключительный в истории классицизма факт, как применение термина «поэзия»

⁷⁰ М. В. Ломоносов, Полное собрание сочинений, т. 7, стр. 13, 391, 392.

⁷¹ Сочинения Тредьяковского, том второй, отд. I, стр. 78. (Предвизыяснение об иронической пинне).